УДК 94(47).083

Интерпретация понятия «крамола» в дискурсе идеологов «Монархической партии» и «Русского собрания» в 1900–1907 гг.

Владимир И. Мухин
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, VIgMukhin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «крамола» как один из ключевых элементов политического языка черносотенных организаций и других представителей правомонархического лагеря начала XX в. Автор показывает, что данный термин функционировал не только как обозначение мятежа, смуты или антимонархической деятельности, но и как инструмент конструирования образа враждебного «другого» в идеологическом дискурсе русских монархистов. Особое внимание уделяется публицистике В.А. Грингмута, К.Н. Пасхалова, Б.В. Никольского, П.Ф. Булацеля, в текстах которых «крамола» изображалась как самостоятельная разрушительная сила, угрожающая самодержавию, православию, русскому народу и традиционному государственному порядку. В работе анализируются смысловые оттенки понятия, его связь с представлениями о внешнем и внутреннем враге, а также с оценками революции, либерализма, бюрократии, Государственной думы и политической агитации. Автор приходит к выводу, что «крамола» занимала устойчивое место в идеологическом каркасе черносотенства, а ее употребление отражало специфику монархического восприятия политического кризиса Российской империи в эпоху Первой русской революции и последующих общественных трансформаций. Работа демонстрирует возможности применения методов истории понятий к исследованию политического языка русского монархизма начала XX в.

© Мухин В.И., 2026

Ключевые слова: крамола, черносотенное движение, русский консерватизм, политический язык, история понятий, Первая русская революция, образ врага

Для цитирования: Мухин В.И. Интерпретация понятия «крамола» в дискурсе идеологов «Монархической партии» и «Русского собрания» в 1900–1907 гг. // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 73–87.

The concept of "sedition" interpreted by the ideologues of the Monarchist Party and the Russian Assembly in 1900–1907

Vladimir I. Mukhin
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia, VIgMukhin@yandex.ru

Abstract. The article examines the concept of "sedition" as one of the key elements of the political language employed by Black Hundred organizations and other representatives of the right-wing monarchist camp in the early 20th century. The author argues that the term functioned not so much as a designation for rebellion, unrest, or anti-monarchist activity, but rather as an instrument for constructing the image of a hostile "other" in the ideological discourse of Russian monarchists. Particular attention is paid to the writings of V.A. Gringmut, K.N. Paskhalov, B.V. Nikolsky, and P.F. Bulatsel, in whose texts "sedition" was portrayed as an autonomous destructive force threatening the autocracy, Orthodoxy, the Russian people, and the traditional state order. The article analyzes the semantic nuance of the concept, its association with the notions of the external and internal enemy, and its relationship to assessments of revolution, liberalism, the bureaucracy, the State Duma, and political agitation. The author concludes that "sedition" occupied a stable position within the ideological framework of the Black Hundred movement and that its use reflected the distinctive monarchist perception of the political crisis in the Russian Empire during the First Russian Revolution and the subsequent social transformations. The study demonstrates the potential

of applying the methods of conceptual history to the analysis of the political language of Russian monarchism in the early 20th century.

Keywords: sedition, Black Hundred movement, Russian conservatism, political language, conceptual history, First Russian Revolution, image of the enemy

For citation: Mukhin V.I. (2026), "The concept of "sedition" interpreted by the ideologues of the Monarchist Party and the Russian Assembly in 1900–1907", *Young Historian*, no. 3(7), pp. 73–87.

Изучение монархических и, в частности, черносотенных организаций начала XX в. оформилось в самостоятельное исследовательское направление лишь в 1990-х гг. Каноны марксистско-ленинской методологии не предполагали изучения истории черносотенного движения. В советской историографии оно преимущественно характеризовалось как реакционное общественно-политическое течение и редко становилось предметом специального исследования. Такая позиция во многом восходила к сформулированному В.И. Лениным в ноябре 1905 г. тезису: «Кто не за революцию – тот черносотенец»[1]. В постсоветской историографии исследователи стали уделять значительно больше внимания эпистолярному, публицистическому и литературному наследию лидеров правомонархического движения. Так, на протяжении долгого времени Институт русской цивилизации ведет работу по изданию трудов консервативных философов XIX – XX вв.; значительное место среди этих изданий занимают произведения идеологов черносотенства. Стоит отметить, что анализ публицистической терминологии рубежа XIX–XX вв. представляет интерес в контексте активно развивающегося направления истории понятий[2].

[1] Ленин В.И. Между двух битв // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 12. Октябрь 1905 – апрель 1906 гг. М., 1968. С. 56.

[2] Важным проводником этого течения для отечественной историографии остается Европейский университет в Санкт-Петербурге, издательство которого периодически выпускает работы в серии «Азбука понятий».

В 1890–1900-е гг. формировались различные представления о будущем России: в различных теоретических построениях предлагались как монархические, так и республиканские проекты будущего политического устройства России. В настоящей работе рассматривается политический язык консервативного проекта ряда идеологов правомонархического движения (в основном «Монархической партии» и московского крыла «Русского собрания» – двух старейших черносотенных организаций), включавший оценки современных авторам политических событий и представления о будущем России. В последнее время в отечественной историографии появляется все больше работ, раскрывающих характер функционирования столичных правых кружков и салонов [Стогов 2025]. Несмотря на появление обобщающего исследования правых партий Российской империи [Иванов 2024], деятельность губернских отделов остается недостаточно изученной. Недостаточно изученной остается и деятельность московских монархических организаций, чья публицистическая активность, однако, была довольно высокой. История организованного черносотенного движения во многом началась с объединения московских монархистов.

Утверждение устава «Русского собрания» один из ведущих исследователей черносотенства А.Д. Степанов окрестил «формальной датой появления на свет Божий черносотенного движения» [Степанов 2000, с. 10]. Это вполне закономерно, поскольку идеологи «Русского собрания», в частности В.А. Грингмут, именовали себя и своих сторонников (равно как и «весь Православный Русский Народ») черносотенцами[3], что позволяет нам, опираясь на рекомендации современного исследователя правого движения А.А. Иванова, относить организацию к черносотенным [Иванов 2022, с. 891].

Несмотря на то что эволюция, кризис и уход с политической арены черносотенных партий и организаций достаточно хорошо изучены в современной историографии, отдельные сквозные сюжеты, семиотические и социокультурные аспекты черносотенства редко становятся предметом специальных

[3] Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 344.

исследований. Историю возникновения и бытования (причем вплоть до современности) ключевого для правой мысли начала XX в. лозунга «Россия для русских» рассмотрел А.А. Иванов [Иванов 2016], однако анализ девизов и базовых для черносотенцев понятий исследован в значительно меньшей степени.

Методологическую основу исследования составляют подходы истории понятий Р. Козеллека и интеллектуальной истории К. Скиннера. Подход, предложенный Р. Козеллеком, позволяет рассматривать «крамолу» не только как отражение восприятия политического кризиса, но и как средство его формирования, задававшее границы между сторонниками существующего порядка и его противниками. В соответствии с подходом К. Скиннера употребление политического понятия рассматривается как речевое действие [Скиннер 2018, с. 99], совершаемое конкретным автором в определенном общественно-политическом и интеллектуальном контексте. Поэтому анализ охватывает не только значения слова «крамола», но и обстоятельства его употребления, обозначаемые им лица, группы и учреждения, а также политический эффект, которого стремились добиться публицисты, обращаясь к данному понятию.

Понятие «крамола» занимало заметное место в политическом языке черносотенных организаций, фигурируя как в программных уставных документах[4], так и в публицистических работах, деловой переписке и даже произведениях художественной литературы[5]. Как правило, употребление понятия «крамола» преследовало цель конкретизации представлений о враждебном «другом», борьба с которым рассматривалась как одна из причин создания черносотенных союзов. При этом понятие употреблялось

[4] Особый интерес в этой связи представляет документ, отложившийся в Государственном архиве Астраханской области и озаглавленный «Проект нового устава Союза русского народа» от 1907 г. (ГА АО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 1. Лл. 10–19 об.), где в § 92 закрепляется выдача пособий «семьям членов Союза, убитых крамольниками» (ГА АО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об.).

[5] Показательный пример употребления производного прилагательного содержится в стихотворении «Черная сотня» видной монархистки и поэтессы Лидии Александровны Кологривовой [Иванов 2022, с. 890].

как в девизах и лозунгах, рассчитанных на массовую политическую мобилизацию, так и в развернутых публицистических произведениях теоретиков монархизма.

Лексическое значение слова «крамола» было весьма устойчивым. Одно из наиболее развёрнутых определений содержится в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: «Крамола (стар.) – смута, волнение, мятеж, вообще преступление политическое; как законодательный термин, ныне не употребляется»[6]. Вместе с тем политическое содержание понятия и сфера его применения оставались подвижными. Его включению в черносотенный дискурс способствовало характерное для монархистов обращение к старине – как к историческим сюжетам[7], так и к библейской лексике[8]. Определить, какие значения и политические функции приобретало понятие «крамола» в черносотенном дискурсе, позволяет обращение к конкретным случаям его употребления в публицистических текстах.

Многие правые публицисты и политики прошли своеобразную школу политической деятельности в «Монархической партии» и «Русском собрании», ставших одними из первых форм организационного объединения монархистов в условиях формировавшейся партийной системы. Одним из крупнейших идеологов черносотенства, сформулировавшим «главные задачи, стоящие перед русским народом в борьбе за

[6] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 32. Коялович – Кулон. С. 497.

[7] Даже при наименовании движения прослеживается отсылка к известному с начала XVII в. словосочетанию «черная сотня», которое в идеологическом каркасе черносотенцев выражает идею преемственности по отношению к простому народу – участникам ополчения под руководством К. Минина и князя Д. Пожарского.

[8] К характерным примерам относится выражение «тайна беззакония», использовавшееся Н.Е. Марковым и восходившее к давней традиции русской политической теологии, в первую очередь, к словам апостола Павла из Второго послания Фессалоникийцам. Другой пример – сам термин «правые», используемый многими монархистами, в том числе и черносотенцами, как вариант самоназвания, имеющий прямую отсылку к евангельской притче об овцах и козлах и новозаветном противопоставлении находящихся по правую и левую сторону от Судии.

Великую Россию и против ее внутренних и внешних врагов» [Стогов 2012, с. 134], был В.А. Грингмут.

Характер употребления В.А. Грингмутом понятий «крамола» и «крамольники» позволяет выявить некоторые их сущностные черты. Так, высказываясь относительно принципа «свободы слова», провозглашенного либеральной печатью, автор замечает, что нередко он предоставляет крамольникам «полный простор развращать душу Русского народа кощунственной проповедью против Бога, анархической пропагандой против Царя, возмутительным издевательством над всем, что дорого и свято Русскому народу!»[9]. Представляя деятельность «крамольников» как посягательство на разделяемые черносотенцами составляющие уваровской триады, автор очерчивает политически разнородный круг крамольников, поскольку в него включаются не только левые радикалы, но и конституционалисты, и некоторые умеренные политические деятели. Однако, поскольку В.А. Грингмут отождествлял черносотенное движение с «православным русским народом» в целом, «крамола» изображалась им как явление, чуждое всему русскому[10]. Вместе с тем публицист признавал наличие «крамольников» даже среди православного духовенства: «…если, наконец, среди московского духовенства объявляются крамольники, идущие против своего митрополита, то можно ли назвать Москву русским городом?»[11]. При этом «крамола» у В.А. Грингмута обозначала не только вызванное революцией состояние мятежа, беспорядка и анархии, но и персонифицированную разрушительную силу («цепкие руки крамолы»[12]), а иногда изображалась как стихийная, вышедшая из-под контроля сила («…верные слуги Царя и Родины будут по-прежнему падать жертвами спущенной с цепи крамолы…»[13]).

---

[9] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 174.

[10] Несколько раз он упоминает, что и среди русских есть крамольники, но руководствуются они не внутренне агрессивными, разрушительными помыслами, но идеальными, бессмысленно мечтательными и совершенно неосуществимыми проектами.

[11] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 224–225.

[12] Там же. С. 247.

[13] Там же.

По В.А. Грингмуту понятие «крамола» соединяло представления о внешнем, «нерусском» источнике угрозы и внутреннем враге, проникшем практически во все сферы общественной жизни – печать, школу, общественные учреждения и рабочую среду[14]. При этом угроза персонифицировалась в образах конкретных социальных и политических групп: в печати – либеральная пресса, в школе – часть профессорского состава и студенчества, в общественных учреждениях и рабочей среде – крикуны, ораторы и агитаторы «вроде Гапона»[15]. Наконец, важным элементом восприятия «крамолы» у В.А. Грингмута было представление о необходимости противодействия ей со стороны правительства, которое должно было «соединиться в дружном содействии ему (Государю) словом и делом для искоренения крамолы» с «благомыслящими людьми всех сословий и состояний»[16]. Позднее, с изменением политической обстановки, автор обличал «петербургских бюрократов», отделивших царя от непосредственного общения с народом[17], и «крамольные Думы»[18].

Оставаясь в рамках заданной В.А. Грингмутом парадигмы, ряд лидеров и идеологов черносотенства иначе развивал его построения. Например, соглашаясь с необходимостью истребления крамолы «мощною военною властью»[19], то есть с введением царской военной диктатуры, Б.В. Никольский полагал, что «крамола» существовала и в ближайшем окружении царя, причем не только последнего русского самодержца, но и его отца, взошедшего на престол «посреди ужаса народного, посреди шипящей злобы и крамолы»[20]. О необходимости сокрушения

[14] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 255.
[15] Там же. С. 258.
[16] Там же. С. 354.
[17] Ненависть к бюрократии и чиновничеству является не собственно черносотенной идеей, а продолжением идеологических построений ряда более ранних течений русской мысли, воспринимавших бюрократию как преграду между царем и народом [Соловьев 2018, с. 33].
[18] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 483.
[19] Никольский Б.В. Сокрушить крамолу. М., 2009. С. 185.
[20] Там же. С. 228.

«крамолы» верховной властью писали К.Н. Пасхалов[21] и П.Ф. Булацель[22]. К.Н. Пасхалов, отмечая результативность «энергичной работы подпольной крамолы», указывал, что агитация охватила «новые общественные слои – дворянские, торговые, учебные, и, наконец, рабочие, как в столицах, так и в провинции»[23].

Взгляды В.А. Грингмута и К.Н. Пасхалова совпадали также в оценке целей «крамольников», дурно влиявших на юношество и стремившихся добиться «окончательного разложения России»[24]. Однако если В.А. Грингмут не считал Манифест 17 октября ограничением самодержавной власти (поскольку даже после его выхода император «сохранил всю Свою неограниченную Самодержавную Власть во всей ее неприкосновенности»[25]) и снимал ответственность за его издание с главы государства, ссылаясь на «государственный переворот, который затеял было произвести граф Витте»[26], то К.Н. Пасхалов, напротив, был убежден, что «Манифест 17 октября окончательно похоронил историческую Россию, совлек с нее – в угоду смуте, крамоле и тупоумному общественному стаду дипломированных невежд, – последние остатки самобытного её обличия…»[27].

В диссертации С.С. Новосельского представлен более широкий спектр оценок революционных событий и Манифеста 17 октября [Новосельский 2019, с. 39–56]. Представление о «крамольном» характере Государственной думы получило развитие в оценке П.Ф. Булацелем Выборгского воззвания[28], а призыв некоторых министров освободить подписантов Выборгского воззвания от судебного преследования он расценивает практически в качестве измены.

Употребление понятия «крамола» в различных программных текстах идеологов черносотенства поддается

---

21 Пасхалов К.Н. Русский вопрос. М., 2008. С. 28.
22 Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 126.
23 Пасхалов К.Н. Указ. соч. С. 36.
24 Там же. С. 48.
25 Грингмут В.А. Указ. соч. С. 332.
26 Там же. С. 328.
27 Пасхалов К.Н. Указ. соч. С. 88.
28 Булацель П.Ф. Указ. соч. С. 115, 282.

определенной логике. Так, революционерам приписывалось подстрекательство к «крамоле» (иногда встречается словосочетание «либерально-революционная крамола»). В текстах монархистов «крамола» могла изображаться как стихийная сила, вызванная деятельностью врагов самодержавия, но затем развивавшаяся самостоятельно и неконтролируемо. По мере изменения политической ситуации В.А. Грингмут выделял «нелегальную» и «легальную крамолу», тогда как К.Н. Пасхалов – «тайную» и «явную», где первая есть проявление скрытого революционного подполья, а вторая – открытая деятельность легальных партий, представительных учреждений и отдельных чиновников.

Изменение способов употребления понятия было непосредственно связано с трансформацией общественно-политической обстановки в 1905–1907 гг. В условиях революционного кризиса «крамола» преимущественно ассоциировалась с подпольной деятельностью, массовыми выступлениями, политической агитацией и непосредственным противодействием самодержавной власти. После издания Манифеста 17 октября, в условиях формирования легальных партий и представительных учреждений, сфера применения понятия расширилась. Оно стало обозначать не только революционное подполье, но и легальную оппозицию, либеральную печать, отдельных представителей бюрократии и Государственную думу.

Таким образом, институционализация публичной политики не привела к исчезновению понятия «крамола», а обусловила его приспособление к новым реалиям: черносотенные публицисты перенесли характеристики мятежа и политического преступления на формы деятельности, получившие легальный или ограниченно легальный статус после преобразований 1905–1906 гг. Подобная трансформация подтверждает положение Р. Козеллека о том, что политические понятия не только отражают отношения, но и участвуют в их формировании [Koselleck 2004, p. 86]. «Крамола» выступала одновременно индикатором монархического восприятия политического кризиса и фактором этого восприятия, задававшим границы допустимой политической деятельности и превращавшим оппонентов в непримиримых врагов.

Анализ характера употребления термина «крамола» позволяет отметить, что в относительно устойчивом, хотя и внутренне неоднородном идеологическом каркасе черносотенства это понятие занимало особое место. Его основные значения и политические функции разделялись большинством авторов. При этом далеко не все обозначали антимонархическую деятельность словом «крамола». Например, П.А. Крушеван предпочитал слово «смута», нередко встречавшееся в его текстах. В работах П.А. Крушевана «смута» выполняла функции, сходные с функциями понятия «крамола» у других авторов. Анализ этого словоупотребления позволяет сделать несколько обобщений и ответить не только на вопрос о том, кого называли «крамольниками», но и о том, какова иллокутивная функция такого именования.

Так, называя либеральную прессу, профессорскую интеллигенцию или депутатов «крамольниками», публицисты представляли их не как законных политических оппонентов, а как участников мятежа и объединяли в одну категорию с революционерами и чиновниками, стирая различия между профессиональными, политическими и социальными группами; игнорируя реальные цели и способы действий указанных групп, заметно отличавшихся друг от друга. В этом отношении «крамола» выступала как асимметричное контрпонятие в концепции Р. Козеллека [Koselleck 2004, p. 156], поскольку сами либералы, депутаты, профессора и чиновники не называли себя «крамольниками». Это имя навязывалось им оппонентами и лишало легитимности их притязания на политическое представительство, тогда как положительные самонаименования защитников законного порядка, «патриотов» и «русских людей» закреплялись за монархическим сообществом. В рассматриваемых примерах прослеживается соединение образа внешнего и внутреннего врага, а также распространение понятия на все новые социальные и институциональные группы.

Если обратиться к политическим мерам, к которым призывали черносотенные публицисты, конструируя категорию «крамолы», на первый план выходят требования репрессий, а также предоставления власти чрезвычайных полномочий и установления

военной диктатуры[29]. Кроме того, обвинение в «крамоле» бюрократов и депутатов Государственной думы позволяло сохранить неприкосновенным образ государя, перенеся ответственность за кризис на его окружение и возникшие в результате политических преобразований 1905–1906 гг. новые политические учреждения. Сложнее оценить мобилизационный эффект призывов к борьбе с «крамольниками», поскольку для этого требуется более тщательное исследование лексики, посредством которой конструировались образы «подлинного русского народа» и сообщества сторонников черносотенного движения.

Таким образом, проведенный анализ позволяет предположить, что интенсивность обращения к понятию «крамола» возрастала в периоды обострения политического кризиса. Однако различия в объеме и характере изученных публикаций не позволяют сделать статистически обоснованный вывод о динамике частотности; поэтому данное наблюдение носит качественный характер. В свою очередь, понятие «крамола» как способ конструирования образа значимого враждебного «другого» пережило и своих непосредственных создателей, и черносотенные организации. Отдельные случаи употребления понятия встречаются и в постсоветской монархической публицистике, однако история развития русского монархизма на современном этапе требует специального исследования. Предпринятый анализ представляет собой лишь первый шаг к изучению специфического политического языка российского монархического сообщества начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов 2016 – *Иванов А.А.* Вызов национализма. Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.

[29] Полноценное развитие данная идея получила в публицистике Первой мировой войны, особенно в 1915–1916 гг. Показательно, что сочетание слова «крамола» с такими глаголами, как «искоренить», «сокрушить», «истребить» служило не только описанием угрозы, но и призывом к конкретным действиям.

Иванов 2022 – *Иванов А.А.* Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 884–905.

Иванов 2024 – *Иванов А.А.* Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.

Новосельский 2019 – *Новосельский С.С.* Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России: дис. … канд. ист. наук. М., 2020. 376 с.

Скиннер 2018 – *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.

Соловьев 2018 – *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.

Степанов 2000 – *Степанов А.Д.* Черная сотня: взгляд через столетие. СПб.: Изд-во «Царское Дело», 2000. 136 с.

Стогов 2012 – *Стогов Д.П.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 672 с.

Стогов 2025 – *Стогов Д.П.* Правые салоны и кружки и проблема их влияния на властные структуры Российской империи (1914 – февраль 1917 г.): автореф. дис. … д-ра. ист. наук. СПб., 2025. 35 с.

Koselleck 2004 – *Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York: Columbia University Press, 2004. 317 p.

REFERENCES

Ivanov, A.A. (2016), *Vyzov natsionalizma. Lozung "Rossiya dlya russkikh" v dorevolyutsionnoy obshchestvennoy mysli* [The Challenge of Nationalism. The slogan "Russia for Russians" in pre-revolutionary social thought], Vladimir Dal', Saint Petersburg, Russia.

Ivanov, A.A. (2022), "Reactionaries, Black Hundreds, White Guards, Fascists: Definitions of Russian Right-Wingers in the Early 20th Century", *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, pp. 884–905.

Ivanov, A.A. (2024), *Pravyye partii Rossiyskoy imperii* [Right-Wing Parties of the Russian Empire], Vladimir Dal', Saint Petersburg, Russia.

Novosel'skiy, S.S. (2019), *Pravitel'stvennye proekty preodoleniya revolyutsionnogo krizisa 1905 g. v Rossii* [Government projects to overcome the revolutionary crisis of 1905 in Russia], Abstract of Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.

Skinner, Q. (2018), *Znachenie i ponimanie v istorii idei* [Meaning and Understanding in the History of Ideas], in Atnashev, T. and Velizhev, M. (eds.), *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 53–122.

Solov'yev, K.A. (2018), *Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The Political System of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

Stepanov, A.D. (2000), *Chernaya sotnya: vzglyad cherez stoletiye* [The Black Hundred: A Century Later], Izdatel'stvo "Tsarskoye Delo", Saint Petersburg, Russia.

Stogov, D.I. (2012), *Chernosotentsy: zhizn' i smert' za velikuyu Rossiyu* [Black Hundreds: Life and Death for Great Russia], Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, Moscow, Russia.

Stogov, D.I. (2025), *Pravye salony i kruzhki i problema ikh vliyaniya na vlastnye struktury Rossiiskoi imperii (1914 – fevral' 1917 g.)* [Right-wing salons and clubs and the problem of their influence on the power structures of the Russian Empire (1914 – February 1917)], Abstract of D. Sc. dissertation (History), Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia.

Koselleck, R. (2004), *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, Columbia University Press, New York, USA.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир И. Мухин, студент магистратуры, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1; VIgMukhin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Mukhin, master's student, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia; 18 Kremlevskaya St., bld. 1, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008; VIgMukhin@yandex.ru

Поступила в редакцию: 29.04.2026
Поступила рецензия: 25.05.2026
Принята к публикации: 10.07.2026